

Чу Хуайцинъ кивнул и продолжил обрубать ветки с деревьев. Су Хуайчэнь тоже поспешил помочь, а монашек, умеющий готовить, отправился помогать Линь Чжинань. Ся Шань же пошёл купаться в озере.

Они работали до восьми вечера, пока еда наконец не была готова. На банановых листьях, расстеленных на земле, лежали золотистые жареные рыбы, угри, устрицы на углях, крабы, креветки и креветки-богомолы, запечённые в банановых листьях. Морские ежи потребовали больше всего усилий: монашек насадил их на ветки и зажарил. Готовые морепродукты выглядели ярко и аппетитно на фоне зелёных банановых листьев. Рядом лежали пять жареных плодов хлебного дерева, источающих аромат.

Этот пир из морепродуктов заставил зрителей в прямом эфире слюнки течь, они кричали, что это несправедливо — «травить» их едой посреди ночи.

Чу Хуайцинъ взял краба.

— Давайте выпьем за Ся Шаня, старшего, монашка и сестру. Вы все потрудились на славу.

Су Хуайчэнь, с удовольствием жуя креветку-богомолу, быстро доел оставшуюся половину.

— Я тоже поднимаю креветку-богомолу за Хуайциня, Ся Шаня, монашка и сестру. Вы все молодцы.

[Прямой эфир: ...]

Монашек:

— Тогда я подниму морскую улитку...

Линь Чжинань:

— Я подниму рыбу...

Ся Шань:

— Устрицу...

Все пятеро:

— За вас, за труд, вперёд!

— Выпейте и доешьте!

Чу Хуайцинъ одним глотком проглотил мясо морского ежа, остальные тоже доели свои порции. Только Су Хуайчэнь остался с креветкой-богомолом в руках, недоумевая, как есть её с панцирем.

— Брат Хуайчэнь, доедай! — с игривой улыбкой сказала Линь Чжинань.

Су Хуайчэнь: ...

Смешное выражение лица Су Хуайчэня рассмешило всех. В конце концов, под взглядами пятерых, он сунул креветку-богомолу в рот целиком, с панцирем, и начал жевать.

Они весело доели свой поздний ужин, убрали всё и переключили внимание на работу, которую Чу Хуайцинъ и остальные проделали за день. Навес, который теперь можно было назвать хижинкой, был почти готов. Три стороны были закрыты, а вход был широким — около полутора метров, чтобы всем было удобно входить и выходить.

Дверь была сделана умно: она не была прикреплена к хижине, поэтому её можно было легко перемещать. Затем все взгляды устремились на тлеющие фитили и печь. Несколько фитилей уже были готовы и сушились, а другие ещё пропитывались маслом. Печь же продолжала гореть, и, несмотря на свои небольшие размеры, пламя было сильным.

— Фитили будут готовы завтра, а глиняные горшки, судя по времени, должны быть готовы к пяти утра. Нужно будет встать ночью, чтобы подкинуть дров, — сказал Чу Хуайцинъ. Он не был уверен, что горшки получатся, так как сделал три больших и три маленьких. Если два-три из них выйдут, это уже будет хорошо.

— Тогда я и монашек будем вставать по очереди, — сразу предложил Ся Шань.

Монашек: ...

— Нет, я встану один. У нас нет будильника, а ваши биоритмы нестабильны. Если вас разбудить, вы не выспитесь, — отказал Чу Хуайцинъ.

— Тогда я встану один. У меня биоритмы точные, — упрямо сказал Ся Шань.

— Ты сегодня не устал?

— Нет.

Кому он пытался обмануть? Весь день провёл в воде, ловя рыбу, и не устал? Но Чу Хуайцинъ не стал спорить, решив просто не будить его, если он уснёт.

Из шестнадцати пойманных рыб сегодня съели только четыре. Остальные двенадцать повесили для копчения. Для этого разожгли новый костёр, так как копчение требует дыма, а в печи горели сухие дрова, которые почти не дымили. Пришлось использовать слегка влажные ветки.

Зрители из Государства Хуа одобрительно кивали: [Хорошо, хорошо, знания предков всегда пригодятся.]

Иностранные зрители: [Что это за странные вещи опять делают жители Государства Хуа?]

После того как у них появилась вода, все снова пошли купаться. Вернувшись, они улеглись на банановых листьях в хижине, под которыми была толстая подстилка из травы. Это было очень удобно.

— Сестра, спасибо, очень комфортно, — сказал монашек, перекатываясь на спине и смеясь. — Только комаров слишком много.

Хижина была большой: три метра в ширину и два в длину. Пятеро могли спать внутри с комфортом, но так как Линь Чжинань была девушкой, ей выделили отдельное место.

— Наверное, из-за приближающегося дождя, — предположил Су Хуайчэнь, хмурясь. Он постоянно отмахивался веером от комаров у ног, но, защищая ноги, забывал о голове. Надоедливое жужжание раздражало его, и, чтобы не чесаться, он встал и принёс свою одежду,

которую только что постирал и повесил сушиться у печи. Она была уже почти сухой. Он натянул штаны на ноги, а рубашку — на голову, оставив открытыми только глаза.

Камера в хижине слабо освещала пространство, и глаза Су Хуайчэня сверкали, что чуть не довело зрителей до истерики.

Чу Хуайцин и остальные тоже страдали от комаров и, встав, последовали примеру Су Хуайчэня. Однако один человек не двигался — Ся Шань.

Его лёгкий храп свидетельствовал о глубоком сне.

Чу Хуайцин подумал немного, затем принёс одежду Ся Шаня и накрыл его. Сам тоже устроился поудобнее, держа в руке веер, которым время от времени отмахивался от комаров, иногда прогоняя их и над головой Ся Шаня.

[Прямой эфир: «Жаль, что Ся Шань спит, иначе он бы точно посмеялся.»]

Чу Хуайцин, махая веером, размышлял вслух:

— Сестра порезала руки, собирая траву, завтра нужно найти какие-нибудь лекарственные растения, чтобы обработать раны. Ещё нужно заготовить дров, сделать очаг, попробовать завтра сдвинуть камень у скалы, чтобы можно было разводить огонь на нём, и тогда дождь не потушит его...

Чу Хуайцин медленно перечислял планы на завтра, пока остальные в хижине постепенно засыпали. Он тихо вздохнул:

— Кажется, я становлюсь похожим на монаха Тансана.

Положив веер на лицо, Чу Хуайцин тоже уснул. Зрители в прямом эфире постепенно расходились, остались только ночные совы, которые скучали, играя в игры, смотря фильмы или работая. Все следили за огнём в печи, но, так как камера в хижине была на другом экране, а печь показывалась только изредка, никто точно не знал, не погас ли огонь. Единственное, чего они ждали, — это когда Чу Хуайцин встанет, чтобы проверить, действительно ли его биоритмы так точны.

Обычно одна закладка дров горела около получаса. Все считали время, ожидая, когда Чу Хуайцин проснётся, но, к их удивлению, первым встал Ся Шань. Он, как лунатик, сел, не снимая рубашку с головы, и попытался встать, но споткнулся о штаны и упал прямо на грудь Чу Хуайцина...

Раздался звук, от которого зрителям стало больно за него. Ся Шань был крупным и мускулистым, его вес мог легко кого-нибудь покалечить.

От такого падения Ся Шань полностью проснулся. Он судорожно стянул рубашку с головы и, с беспокойством глядя на Чу Хуайцина, спросил:

— Ты в порядке? Ты поранился? Кто это устроил?

— Каш-каш, я в порядке, — с трудом произнёс Чу Хуайцин, делая вдох. Падение Ся Шаня действительно было болезненным, но он не пострадал. — Комаров было слишком много, я тебя накрыл.

— А, спасибо! — Ся Шань с беспокойством смотрел на Чу Хуайциня. — Может, вызвать врача, чтобы он тебя осмотрел?

— Не нужно, сначала добавь дров, — ответил Чу Хуайцинь, больше беспокоясь о печи.

Ся Шань кивнул, быстро побежал к печи, закинул туда кучу дров и вернулся, несколько раз спросив:

— Тебе не больно?

Чу Хуайцинь уже начал на него сердиться, и Ся Шань, наконец, улёгся.

— Тебе не нужно вставать. Завтра ты снова пойдёшь в море, и если ты не выспишься, я не позволю тебе плыть, тогда придётся мне, — сказал Чу Хуайцинь, думая, что Ся Шань проспит до утра, но тот неожиданно проснулся.

— Тогда ты завтра днём должен отдохнуть.

— Не беспокойся.

Они договорились и заснули. Этой ночью ночные совы наблюдали, как Чу Хуайцинь вставал каждые полчаса, и это было мучительно. Многие даже начали задумываться, не слишком ли они безответственны, бодрствуя ночью, когда могли бы спать.

На следующий день, в пять утра, Чу Хуайцинь снова проснулся вовремя, и остальные тоже поднялись.

— Хуайцинь, иди спать, мы справимся сами, — сказал Су Хуайчэнь, видя тёмные круги под глазами Чу Хуайциня.

— Да, брат, иди спать, — поддержала Линь Чжинань, глядя на его уставший вид.

— Всё в порядке, давайте сначала откроем печь, она должна быть готова, — ответил Чу Хуайцинь, для которого это было самым важным.

— Тогда поторопимся, — сказал Ся Шань, тоже желая, чтобы он быстрее закончил и пошёл спать.

Чу Хуайцинь, видя их беспокойство, ускорился. Печь была раскалена до пугающего состояния, и зрители, знавшие, что сегодня её откроют, тоже встали пораньше. Увидев эту раскалённую печь, они испугались: одно прикосновение к ней могло моментально обжечь.